

Катя Ёж

ЦЕЛИТЕЛЬ

18+

Катя Ёж

ЦЕЛИТЕЛЬ

<https://litres.ru/74105864>

SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение романа "Актриса". Жадность и эгоизм Стаса Левашова привели к печальному итогу. Он остался один и стоит перед выбором: по-прежнему гнаться за выгодой или попытаться искупить вину перед теми, кого предал.

В театре "Диорама" грядёт очередная премьера: трагедия Софокла "Царь Эдип". Лиза наконец получает шанс воплотить на сцене трагический образ, но не смешаются ли в её жизни миф и реальность?

"Целитель" — это история о роли судьбы в человеческой жизни и о предназначении, цена которого порой слишком высока.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Катя Ёж

ЦЕЛИТЕЛЬ

Глава 1

Ладонь к ладони, пальцы переплетены. Угадай, о чём я думаю! Она улыбается, смешно морща носик: это же невозможно!

— Сейчас докажу, — возражает он и крепче сжимает её руку. — Чувствуешь? Я уже у тебя в голове.

Она глядит на него, как заморожённая, широко распахнутыми глазами, и зрачки вздрагивают, расширяются.

— Чувствую, кажется

— Я сейчас угадаю твоё тайное желание.

— Ну попробуй! — и опять у неё такой вид, словно хочет сказать: Ни черта у тебя не выйдет, Левашов!

Её губы приоткрыты, и он тянется к ним, осторожно касается, проводит языком, исследуя, а потом знаменитый бросок кобры — и дело сделано: она под ним и в его власти. Нежная, податливая, сладкая

Улучив момент, он спрашивает:

— Угадал я?

И она, уже не в силах говорить, кивает, а потом протяжно стонет и выгибается, впиваясь ногтями ему в спину.

Как всё это далеко! И каким теплом пропитаны те воспоминания. Что же он наделал, дурак, дурак!

Стас тряхнул головой, помассировал затёкшую шею. Сколько он ждёт уже?..

— Что тебе опять нужно?

Лиза. Всё в том же амплуа — затянутая в траур, ещё сильнее исхудавшая, болезненно-бледная, под глазами круги.

За прошедшие месяцы, что они не виделись, Стас не раз задавал Аде осторожные вопросы. Пообещав девушке, что уволится из академии, лишь бы она не отчислялась, он попросил взамен держать его в курсе относительно Лизы.

Ада долго ломалась, но спустя какое-то время обида на бывшего любовника уступила место страху за мать.

— В депрессии, иногда выпивает, — призналась она. — Режиссёр театра её, конечно, в узде держит, но два-три бокала за вечер — это у нас теперь норма.

Было и ещё что-то, о чём Ада говорить отказывалась, и тут уж допытаться не получилось.

— Здравствуй, — он сделал шаг ей навстречу. Лиза смотрела мрачно и чуть исподлобья.

— Я спросила, какого чёрта ты опять явился?

Она говорила с трудом, будто выдавливая из себя звуки. Голос не шёл, да и звучал напряжённо и сипло. Стас читал о таком — на фоне сильного стресса можно и онеметь.

— Ты не подходишь к телефону, — ещё один шаг.

— Не хочу тебя слышать. И видеть не хочу.

Она не повышала тона, говорила абсолютно спокойно, безэмоционально. Мёртво.

— Я решил сказать лично: убийца твоего мужа тоже умер.

Она моргнула, приподняла одну бровь, и он понял, что выразился чересчур уж туманно.

— Егор, мой брат, скончался в СИЗО. Извини, — развёл руками, — суда не будет.

Лиза вдруг усмехнулась, но усмешка вышла невесёлой и кривой, словно ей и губами трудно было шевелить.

— Убийца моего мужа? Так ведь это я — мне так сказали в милиции.

Она отступила назад и добавила:

— Если это всё, то уходи.

— Мне тревожно за тебя, Лиза.

— Раньше надо было тревожиться. Когда беременную бросил.

— Ты меня вообще не простишь? Никогда и ни при каких условиях? — Стас подбирался к ней всё ближе, надеясь, что она не заметит манёвра.

Лиза рассмеялась горьким сухим смехом:

— Я даже не удивлена твоему вопросу. Тебе не понять чувств матери. У тебя же вместо сердца деревяшка.

— То есть между нами навсегда какой-то мёртвый ребёнок?

Она вздрогнула и выдохнула, будто он ударил её. Потом подняла на него глаза Лучше б не смотрела. Стас никогда не видел такого взгляда. В нём было столько горя, какое не сыграть.

— Какой-то ребёнок? Какой-то?!

Казалось, что Лиза сейчас упадёт, и Левашов резким броском, своим коронным, за секунду преодолел разделяющие их метры. Она отскочила, попыталась ударить, он схватил её за руки И замер, увидев шрамы, розовеющие на тонкой белой коже запястий.

Вот, значит, чего Ада ему не рассказывала. Судя по виду, попытка была давно, скорее всего, сразу после похорон Майера. Тогда ей не дали уйти за ним, но кто поручится, что она не попробует снова?

— Зачем?! — он с силой сжал Лизу за плечи и затряс. — Зачем ты так с собой? Ты не виновата!

Она больше не пыталась вырваться и стояла, безучастно глядя куда-то мимо Стаса полными слёз глазами.

Послышалась мелодичная трель звонка. Домработница протопала к двери, впустила плотного бородатого мужичка с пышной седой шевелюрой. Он огляделся и, увидев Лизу, расплылся в улыбке:

— Ну слава богу, ты дома! Звезда моя, сколько можно этих шоу с исчезновениями? Ты же не Агата Кристи!

Это был Нестор Лыков, которого Стас уже видел — перепуганного, чуть ли не визжащего от ужаса, когда в метре от

него застрелили Александра Майера. Сейчас полное одышливое тело режиссёра колыхалось, пока он переводил дух и промокал платочком пот на лбу. Да, лето в этом году выдалось по обыкновению знойным.

Приблизившись, Лыков оттеснил Левашова:

— Можно, уважаемый? — он бережно обнял Лизу и подтолкнул её в сторону гостиной: — Пойдём, королева моя, поговорим.

— Погодите, — окликнул его Левашов, — мы вообще-то тоже разговаривали.

— А вы кто? — Нестор окинул Стаса подозрительным взглядом. Тот представился:

— Станислав Левашов. Я давний знакомый Лизы.

Брови Лыкова поползли вверх:

— Ну, раз вы знаете, что она Лиза, значит, и впрямь давний. И чего вам?

— Чего мне?! — уже всерьёз возмутился Стас. — Лиза!

Но она не откликнулась, даже не шелохнулась и не повернула головы — так и стояла истуканом, не замечая, как сдвинул ей Лыков плечо пальцами.

— У нас деловой разговор, — грубо ответил режиссёр.

— Слушайте, деловой человек, — Стас начал заводиться, — а где вы были, когда она вены себе резала? Только и думаете, как ещё заработать на скандалах и личных трагедиях!

Лицо Лыкова побагровело, подвижные брови почти накрыли собой хитрые зеленовато-серые глазки, враз ставшие

холодными и злыми.

— Вы, уважаемый, поменьше языком трепите! Вета Майер, между прочим, персона публичная! Никаких суицидов у нас не было, на учёте у психиатра не состоим — уж я на это немало сил и денег положил, поверьте. А теперь соблаговолите отстать! Мы и без вас, давних знакомых, разберёмся.

С этими словами он увёл Лизу. Стас остался стоять, сокрушённо глядя на них, потом со всей силы саданул ногой по плитке, выстилающей пол в прихожей, и поморщился от резкой боли, пронзившей пятку.

В лаборатории было необычайно шумно. Все сотрудники в количестве десяти человек толпились в углу, возбуждённо обсуждая что-то. Вошедший Стас с удивлением обозрел картину, потом заметил в дверях своего кабинета движение.

— Вероника, вот сюрприз! Я не ждал вас.

Вероника Подгорная сдержанно улыбнулась. Левашов уже знал, что это не от плохого настроения: она просто не умела выражать радость иначе. Её безэмоциональность поначалу корбила, но спустя полгода тесного общения он привык.

— Я — всего лишь неожиданность, Станислав, — она почти всегда звала его только так. — Сюрприз вас ждёт вон там, — она указала на взволнованных людей в белых халатах. — Кажется, в микроскопе у Григория что-то интересное. Я в

этом мало смыслю, но буду рада, если мне потом объяснят.

— Стас! — растолкав коллег, ему навстречу выскочила Ирина Золотницкая. Глаза у неё сияли. — У нас получилось! Пятьдесят девятая проба — все бласты уничтожены! Все!

Левашов прищурил глаза, собрался и быстро прошёл к столу, где над микроскопом склонился Гриша Рябинин.

— Гриша, что тут?

— Смотри сам! Это уже не случайность, новая формула реально бьёт по бластам.

— Все блокированы?

— Все!

Стас припал к окуляру микроскопа и какое-то время изучал поле. Сотрудники вокруг него затаили дыхание. Наконец он выпрямился и огляделся. Взгляд упал на Веронику. Она молчала, как и остальные, но глаза буквально кричали: Ну же, скажи, что там?!

— Действительно. Это какой образец по счёту?

— Пятый! — почти шёпотом восторженно выдохнула Ирина. — В пяти образцах!

— А мёртвые клетки без патологии вы учли?

Рябинин насупился. Так Левашов и думал.

— Каков процент погибших здоровых клеток?

— Десять, — нехотя ответил Гриша, но тут же вскинул глаза: — Но прицельно ведь бьёт!

— Гриш, десять процентов — это не прицельно. Это чуть лучше, чем химия, а нам нужно что-то другое, понимаешь?

Энтузиазм собравшихся слегка угас, и Стас ощутил укол совести.

— Но, ребят, это действительно отличный результат! Просто нужно повышать избирательность.

— Стас, здоровые клетки всё равно будут затронуты — начал кто-то, и Левашов согласно кивнул:

— Допустимо, если есть схожие рецепторы. Совсем без побочки вряд ли обойдёмся, но сегодняшний результат можно и нужно улучшить. А вообще молодцы!

Он хлопнул совсем уж загрустившего Гришу по плечу и подмигнул Ирине. Потом выбрался из толпы и подошёл к Веронике.

— Не всё так радужно? — спросила она, и Левашову послышалось лёгкое разочарование в её голосе.

— Скажем так, есть над чем работать. Но результат неплохой. Мы сдвинулись с мёртвой точки.

— Вы объясните мне?

— Пойдёмте в кабинет.

Стас сел за стол, Вероника устроилась напротив и уставилась на него своими огромными чёрными глазами. Её манера смотреть пристально и не мигая Левашова поначалу раздражала, пока Вероника однажды не сказала ему, что у него самого почти такой же взгляд. А он даже не замечал в себе этого! И ведь действительно, люди часто терялись и начинали запинаться, когда он забывался и глядел на них, ни о чём, в общем-то, не думая.

— То, что мы пытаемся здесь сделать, Вероника, не такая уж фантастика. Но препараты, прицельно блокирующие бластные клетки, на мировом рынке пока присутствуют ограниченно. А в нашей стране их и вовсе нет. Я ничего не изобретаю, а лишь пытаюсь найти формулу, доступную, дешёвую, имеющую минимальные побочные эффекты.

— Что за проценты, о которых вы говорили?

— Процент здоровых клеток, гибнущих под действием препарата. В идеале их не должно быть, но в живом организме всё взаимосвязано. Чем избирательнее препарат, тем более щадящим он станет для человека — тем меньше последствий для него в результате лечения. Обычная химиотерапия иногда убивает пациента быстрее, чем сама болезнь, я же хочу создать лекарство, а не яд.

— Звучит фантастически.

— Но я ведь уже сказал — это не сказки. Подобные препараты существуют, просто мой будет лучшим.

Вероника снова едва уловимо улыбнулась. Джоконда, другому и не скажешь.

— Вы уверены в себе.

— У меня специалисты хорошие.

— Но о клинических испытаниях пока не говорим?

— Увы. Процент затронутых здоровых клеток слишком велик.

Она побарабанила пальцами по столу, откинулась в кресле и о чём-то задумалась, глядя в окно.

— Вам нужны ещё деньги?

— Нет, Вероника. Дело уже не в деньгах, а в мастерстве и настойчивости исследователей.

— Тогда будьте, пожалуйста, максимально настойчивы.

— Обещаю.

Он улыбнулся. Ему нравилась разговаривать с ней: всегда по делу, ничего лишнего. Однако улыбка, видимо, вышла недостаточно обнадеживающей, потому что Вероника, оценивающе поглядев на него, спросила:

— Вы не слишком-то воодушевлены.

— Просто такой день.

— Что-то случилось?

— Личное.

Она опять вперила в него затягивающий в черноту взгляд. Пожалуй, лучше сказать, а то не отстанет и всё равно вытянет из него то, что ей нужно.

— Умер мой брат.

— Соболезную.

— Вряд ли вы повторили бы это, если бы знали, кем он был и что сделал.

— Ну Для вас ведь это значения не имело. Все люди, даже самые плохие, — чьи-то братья, сёстры, дети.

Взгляд Вероники скользнул по столу, задержался на фотографии Олеси. Стас прежде не держал на виду ничего, не связанного с работой, но в последнее время сильно скучал по сестре. Олеся умерла в ту же ночь, когда в его жизни вновь

появилась Лиза, и теперь их образы слились в один. Тоска по любви, которую он когда-то предал, смешалась с чувством вины и отравляла душу.

Вероника молчала, и Стас был ей благодарен за то, что не спрашивает дальше. Видимо, хватило его скупого пояснения.

Потом она задала ещё несколько вопросов об исследованиях и, удовлетворившись ответами, стремительно поднялась, протянула ему руку на прощание и покинула кабинет.

Вообще, Стаса всегда впечатляла её рациональность: Вероника неожиданно появлялась, быстро и чётко выясняла то, что ей нужно, и исчезала. При этом сама по-прежнему оставалась загадочной фигурой. Особенно тщательно оберегалась личная жизнь: за кем замужем, есть ли дети? О ней никто ничего толком не знал, и это приводило в замешательство.

Глухое раздражение, которое испытывал Нестор Лыков, грозило оформиться и прорваться. Сколько ещё ему плясать вокруг этой непокорной? И ведь не спишешь со счетов: умудряется, дрянь такая, играть нормально, и продюсерам нравится, и рейтинги у сериала, в который он её затащил после долгих уговоров, отличные.

— Ну, что тебе ещё? Чего не хватает, звезда моя неугасимая?

Отмерла наконец, хоть глазами двигает — и то счастье: он уж испугался, что опять в себя ушла, а такое однажды было и чуть не кончилось печально!

— Нестор, пойдй к чёрту, я не в настроении.

— О, я гляжу, слава в голову ударила? Конечно, и новости все о тебе, и в кино приглашают, и интервью брать начали. Сейчас суд начнётся — во всех газетах лик твой солнцеподобный проштампуют! А ваше величество не забыли, благодаря кому это всё, а? Ветонька, душа моя

— Я тебе говорила, чтоб не звал меня так? Говорила?!

Лыков отступил: расшатала она себе психику будь здоров. То ни на что не реагирует, то в горло готова вцепиться. Пожалуй, надо что-то делать с её увлечением спиртным.

— Говорила, помню, виноват, каюсь! Так что делать-то будем?

— С чем?

— С настроением, Лизавета, мать твою, с настроением! У кого пробы на носу?

— Я же не отказываюсь.

Речь шла об очередном проекте известной продюсерской компании, куда Нестор периодически пристраивал своих же артистов, чтобы потом иметь возможность втридорога продавать билеты на спектакли с их участием. Вета Майер и без всякого кино приносила ему барыш, но теперь стоила баснословных денег, терять которые режиссёр не собирался.

— Ты от интервью отказалась! И не позволила снимать

себя на суде, а тебя ведь вызовут

— Не будет никакого суда. Он умер.

— Кто умер, как умер?! — Нестор ошарашенно захлопал глазами.

— Тот, кто убил Сашу. Его больше нет.

— А я почему не знаю?

— Мне только сегодня сказали. Человек, который сейчас ушёл.

Лыков нервно оглянулся, бросился в прихожую, но никого там, конечно, уже не было.

— А кто это был?! Он сказал, что давно знает тебя.

— Неважно.

Кулаки сжались сами собой. Нестор схватил Лизу и затряс что было сил:

— Заканчивай со мной в игры играть! Нет у тебя больше козырей!

Лиза стряхнула с себя его руки и, брезгливо поморщившись, отодвинулась подальше.

— Ты мне не хозяин.

— Да?! — Нестор устал держать лицо и говорить елейным тоном. — У тебя дом, его содержать надо. Дети — студенты безработные, на что ты их без меня прокормишь? Я твой создатель, я твой хранитель! И да, если угодно, я твой хозяин! Но хозяин добрый, — он навис над Лизой и ласково убрал ей от лица растрепавшиеся локоны. — Твоё счастье, что я тебя люблю, дурочку. Ты же мой свет в оконце!

Лиза словно оцепенела и в эту минуту казалась такой хрупкой и уязвимой, что Нестор едва справился с собой. Нет, пока не стоит. Кто её знает, ещё в петлю полезет в расстроенных чувствах. Какой же деликатный народ эти истинные артисты, какие нежные у них души! Не так согнёшь — ломаются! А этой ещё и драму подавай.

Он выпрямился, помолчал и с явной неохотой произнёс: — Твоя взяла. Выбирай себе пьесу и роль.

Лиза чуть нахмурилась и подняла на Лыкова глаза.

— Что смотришь, кисонька? — он взял её за подбородок и чуть приподнял. Засопел, закусил губу, но снова сдержался. — Хотела сыграть трагедию? Ищи материал, приноси. Я поставлю, обещаю.

Глава 2

Почему-то он не чувствовал вкуса еды. Выглядело всё очень аппетитно и пахло, казалось, божественно, но во рту ощущалось странно — растворялось на языке, распадаясь на нити и не оставляя после себя ничего. Ноль. Пустота. Бесплодная пустыня

Он вскочил из-за стола и завертел головой: привычный интерьер исчез — на километры вокруг до самого горизонта протянулись безжизненные серые камни.

Защекотало большой палец на ноге, потом средний, зацарапало по подушечкам, перешло на пятку. Этого он уже не смог стерпеть и задёргал ступнёй, пробормотал:

— Лисёнок, ну сколько раз повторять — ненавижу щекотку

И открыл глаза.

Это был сон. Всего лишь сон о том, как пуста сейчас его жизнь. Олеси нет. Нет нигде. Она ушла, ничего после себя не оставив.

Кроме, пожалуй, одного.

Уваров сел, поджал ноги и, потянувшись, посмотрел на пол перед кроватью. Пушистая рыжая кошечка, на вид уже совсем взрослая, внимательно глядела на него умными зелеными глазами, наострив уши. Едва Сергей поднялся, она зевнула во весь свой розовый ротик и очаровательно мяук-

нула. Он улыбнулся в ответ:

— Доброе утро, Лисёнок.

Наверное, кошки спасли его.

С первых же дней Муська и её котята требовали времени и неусыпного внимания. Спасибо Зинаиде Афанасьевне, что приходила и помогала: она обустроила лежанку для кошачьей семьи, выхаживала новорождённых, готовила смеси и кормила Муську. А когда у котят открылись глаза, и они принялись ползать по всей квартире, Уваров понял, что прежней размеренной жизни настал конец.

Скажи кто-нибудь ещё год назад, что Сергей, повёрнутый на чистоте и опрятности, станет отцом четверых котеек, он рассмеялся бы тому человеку в лицо — и вот, пожалуйста. Шерсть и разного рода милые шалости детёнышей, не приученных к лотку и не умеющих себя контролировать, стали его реальностью.

Котята подросли, и Зинаида принялась их пристраивать. Троим пацанам новый дом удалось найти очень быстро, а вот четвертую, самочку, Сергей не отдал. Однажды, почёсывая ей животик, Зинаида с улыбкой заметила:

— И встретилась же Муська где-то с рыжим котярой! Остальные-то серенькие родились, а эта, поглядите-ка, настоящий лисёнок!

Сергея будто ударили, когда он это услышал.

Лисёнок

Олесю он так и не отпустил. Повсюду в квартире были её места: стул за обеденным столом — здесь она сидела, любясь видом из окна; кресло — в него она забиралась с ногами, читая книгу

Его собственное тело стало картой с отметками: вот здесь она его касалась, и здесь, и здесь

А вот серповидный шрам на ступне у основания пальцев — след осколка кофейной чашки. То был один из первых дней после того, как Олеся заговорила о разводе. Они поругались, Сергей разбил эту чёртову чашку, и один из черепков отлетел и резанул по ноге

Воспоминания жгли, но забвение страшило сильнее. Он ворочался в своей боли, как в остывающей ванне, искал всё новые способы связаться с Олесей, и даже на кровать ложился там, где лежала она в последние минуты жизни. Ему представлялось, что так можно дотянуться до неё через разделяющую их вечность, увидеть хотя бы во сне, но тщетно — Олеся ни разу ему не приснилась.

Зато каждое утро неизменно начиналось с игры, затеянной рыжей кошечкой, которую так и называли — Лисёнок.

— Сергей, ау!

Михаил постучал костяшками пальцев по столу прямо перед Уваровым. Тот перевёл на заместителя задумчивый взгляд.

— Да, Миша.

— Ты здесь, с нами? — попытался пошутить Ревенко. — Насчёт выделенки документы посмотришь?

— Отчего ж не посмотреть, дело-то хорошее.

Сергей придвинул к себе папку-скоросшиватель и начал листать. Он давно думал о том, чтобы завести в офисе доступ к всемирному хранилищу всего и вся — Интернету, но тот способ связи, который практиковали для этой цели обыватели, не подходил категорически. Модемы — это медленно и жутко неудобно, только кабель, — решил Уваров и обратился в несколько фирм, оказывающих такие услуги. Дорого, конечно, но полезно. Он был уверен, что со временем интернет станет дешевле, да и куда без него в стремительно летящем к глобализации мире?

Запиликал мобильник. Сергей, как и хотел, приобрёл себе внушительных размеров аппарат и теперь всегда был на связи. Иногда он с тоской думал, что будь у него мобильный ещё тогда, когда Олеся была нужна помощь А потом отгонял от себя эти мысли — того, что случилось, не изменить.

Звонили из кадров — с отчётом, которого Уваров давно ждал. Поговорив, он нажал кнопку отбоя и неодобрительно поглядел на Михаила.

— Проблемы? — Ревенко сразу напрягся.

— Ещё какие. Ты завернул трёх кандидаток на должность экономиста.

— Кадровичка, что ли, жалуется?! Так ты её спроси, кого она нашла, спроси! Там же без слёз не взглянешь!

— Миша, на них не надо смотреть — они должны знать своё дело и хорошо работать.

— Ну знаешь! — Ревенко засопел и задёргался — он не любил критику. — Работать-то экономисту со мной, так почему я не могу подыскать кого-то приятного глазу? Ты бы видел этих тёток — бегемоты с сальным пучком на башке!

— Так! — взгляд Сергея стал холодным и колючим. — Чтоб к концу месяца у меня был экономист. Любой внешности, неважно какого пола, но толковый! Найдёшь пухлогубую нимфу с мозгами — считай, повезло, но не вздумай взять мне сюда дуру в угоду своим хотелкам! Всё, свободен.

Он отвернулся и углубился в чтение документов из папки, давая понять, что разговор окончен.

Ревенко вышел из кабинета Уварова и пошёл к себе, пофыркивая:

— Толковую ему! А я виноват, что ничего приличного нет? На кой чёрт мне страшили в подчинении?

Мимо продефилировала хорошенькая девушка — нежное создание с румяными округлыми щёчками и толстой тёмно-русой косой. У создания имелись в наличии огромные голубые глаза и лебединая шея, переходящая в соблазнительно колышущееся декольте. Михаил проводил девушку печальным взглядом: ну почему такими делают только секретарей и делопроизводителей, но никогда экономистов, бухгалтеров и прочих важных работников? Вот где ему найти такую, чтобы устраивала внешне, но не потопила завод в ближайшем

будущем неверными прогнозами?

— Насыщенный сливочный вкус, который напомнит о доме! Маняшина радость — уют и сладость!

Ослепительная блондинка с глазами густого орехового оттенка захлопала накладными ресницами и раздвинула в меру пухлые губы, сверкая белозубой улыбкой в камеру, которую подкатил к ней оператор, снимавший крупный план. Затем в объектив была взята небольшая белая баночка с яркой этикеткой, которую блондинка держала в руке с аккуратным бежевым маникюром, и наконец прогремело:

— Снято!

В ту же секунду актриса скорчила недовольную гримасу и, надув губы, передразнила себя же:

— Маняшина радость! Тьфу! Кто такое дерьмовое название выдумал? Нищевродская марка — тупой слоган

— Уткнись, — грубо перебил её оператор, — будь это премиум-продукт, тебя бы в этой рекламе не было, кикимора.

— Да пошёл ты — начала было блондинка, но тут поблизости возник рыхлый молодой мужчина в бейсболке с надписью Режиссёр, и она тут же навесила на лицо ещё более сладкую улыбочку, чем та, с которой хвалила йогурт на камеру.

— На сегодня всё, — сказал режиссёр. — Ты умничка. Насчёт гонорара — как обычно, жди звонка.

— Мотенька, а следующий проект у нас какой? — заюлила умничка, она же кикимора, она же восходящая звезда отечественной рекламы, как именовала себя сама — в миру Рита Потехина.

— Ритусик, ну я пока не знаю, — задумчиво протянул Мотя. — С молочкой у нас контракт исполнен Есть вот соки и эта как её нутелла, фрутелла

— И Серёжа тоже! — пробурчал оператор из своего угла, разбирая аппаратуру.

— Мамба! — хлопнул себя по лбу Мотя. — Но там ребята помладше нужны.

— А косметика? Косметика есть в планах? Мне бы люксовый бренд какой

— Я позвоню! — обнадеживающе улыбнулся Мотя и отправил Риту восвояси, придав ей ускорение шлепком по округлой, обтянутой сарафаном, попке.

Попкой своей Рита Потехина, к слову, гордилась, потому что ради такой формы безвылазно торчала в спортзале и сидела на диетах. Следовало, однако, признать, что она склонна к полноте, и потому впереди маячил нелёгкий выбор: пожизненное голодание и физические нагрузки либо пластическая хирургия. Под нож Рите отчаянно не хотелось, а значит, необходимо было предпринять определенные усилия.

Первым делом полагалось перенести ставки на другие активы. Реклама — хорошо оплачиваемая и непыльная работёнка, однако она предъявляет суровые требования к внеш-

ности артистов. Рита не молодеет, уже вон и морщинки первые нарисовались, так что пора думать о карьере посерьёзнее — кино, сериалы

— Рита, ё-моё! Сколько тебя ждать?!

Потехина испуганно подскочила от резкого окрика, но увидев, кто это, тут же напустила на себя снисходительно-презрительный вид:

— И подождёшь, Мишутка. Чай не принц!

— Вы закончили? — Ревенко в летнем костюме, уже прилипающем к телу на адской жаре, гарцевал возле своего внедорожника, нервно облизывая губы.

Рита недовольно пригляделась: выпил никак? Да нет, похоже, трезвый, просто устал тут сидеть, вот и психует.

— Закончили.

Она взяла сумочку и от души виляя бёдрами, прошествовала к джипу, где замерла перед передней правой дверью. Ревенко, уже севший за руль, выжидательно поглядел на Риту, потом чертыхнулся и, еле дотянувшись, толкнул дверь изнутри. Потехина заняла кресло рядом с водительским и скривилась:

— Мужлан. Мог и бы вылезти, чтобы дверь перед дамой открыть. И почему у тебя в салоне перегаром воняет?

— Тоже мне дама! — хмыкнул Михаил, заводя мотор и игнорируя вторую часть вопроса Риты.

Он молча вырулил на проспект и помчал, лихо лавируя в потоке машин и отчаянно сигналивая самым неповоротливым

из них, при этом искоса поглядывая и на Риту, расслабленно развалившуюся на сидении.

Она изменилась: состригла пережжённую химию, сменила цвет волос на более благородный, вытравив из прядей дешёвую желтизну, немного сдула губы, завела качественную декоративную косметику и больше не одевалась как на панель. Сообразила, что Сергея Уварова такая, какой она была, привлечь не может. Ему нужна леди, и Рита упорно лепила её из себя.

— Что ты улыбаешься? — подозрительно прищурилась Рита.

— Да удивляюсь тебе, — Михаил пожал плечами. — Угробила Олесю и на мужа её вешаешься.

— Ни на кого я не вешаюсь. Всего лишь помогаю Сергею в новых для него жизненных обстоятельствах. Ничего предосудительного не вижу в нашем общении.

— Хочешь сказать, в постель к нему ты не метишь?

— А что, Мишутка, ревнуешь? — она кокетливо улыбнулась и, протянув руку, слегка сжала Ревенко бедро, потом её пальцы скользнули выше

— Отвали! — рывкнул он, сильно вильнув и еле успев выправить руль. — Сдохнуть хочешь?! Скоро будем на месте, нимфоманка ты чёртова.

— Не нимфоманка, а здоровая женщина, — ухмыльнулась Рита. — Если ты полгода никого, кроме фригидной Олески не видел, это не значит, что все женщины такие.

— Не трогай её, а? — прошипел Михаил вполголоса, и Рита притихла: похоже, он разозлился.

Остаток дороги они провели в тишине, и всё это время Ревенко отчаянно пытался понять, в какой момент он ошибся и дал слаbinу. В любом случае было поздно: Потехина прочно держала его на крючке, шантажируя оставшейся у нее упаковкой препарата, убившего Олесю. В обмен на молчание Михаил должен был изредка подкидывать Рите деньги и ублажать по первому требованию. Никогда ещё он не чувствовал такого отвращения к собственной жизни.

Джип летел по дороге, притормаживая разве что на светофорах, но дерзко игнорируя пешеходные переходы. На одном из них под его колёса чуть не угодила совсем молоденькая рыжеволосая девушка. Солнце светило прямо в лицо, а солнцезащитных очков у девушки не было, кроме того, на противоположной стороне её ждали, и она, уже занеся ногу над зеброй, лишь чудом не сделала роковой шаг. Правда, чудо, спасшее её, имело форму и обладало недюжинной силой, поэтому легко оттащило стройную девичью фигурку от перехода уверенной мускулистой рукой.

— Смотри, куда идёшь! — услышала девушка.

От испуга она зажмурилась, а когда всё же приоткрыла глаза, то увидела перед собой встревоженного молодого человека. Он вглядывался в её лицо тёмными, похожими на спелые вишни, глазами и спрашивал:

— Ты в порядке? Я не сделал больно?

Девушка замотала головой. Рядом какой-то мужчина возмущённо воскликнул:

— Совсем олигархи оборзели, гоняют так, что людей сшибают!

Ему тут же ответили:

— Почему сразу олигархи? Бандюки обыкновенные — на джипешниках только они рассекают!

Невидимые собеседники заспорили, но юноша и девушка не обращали на них внимания.

— Ты в городе недавно? — спросил он её.

— Откуда ты знаешь?! — девушка удивленно вытаращила серые глаза и покраснела, отчего веснушки у неё на носу стали ещё заметнее.

— Да оттуда, что сам, когда только приехал, тоже ворон на ходу считал, — со смехом пояснил парень. — Ладно, раз ты в порядке, я побегу. Опаздываю!

Девушка изумлённо смотрела вслед спешащему прочь юноше, и вдруг он повернулся и крикнул:

— Я — Борис!

— Маша! — крикнула она в ответ и только потом, когда Борис уже исчез из виду, подумала, что в их взаимном представлении не было никакого смысла: город так велик, что вряд ли они ещё когда-нибудь встретятся.

— Ты совсем сдурел?! — накинулась Рита на Михаила.
— Чуть девчонку не сбил!

Ревенко вцепился в руль, лицо его, несмотря на работающий в салоне кондиционер, покрывал пот, глаза, казалось, смотрят в никуда.

— Миш — с лёгким испугом позвала его Потехина и ощутила, как по шее и спине пробежали мурашки, когда Ревенко повернулся к ней.

— Ты видела? — проговорил он внезапно севшим голосом.

— Что?

— Там у дороги Олеся стояла!

— Кто?! Мишаня, ты перегрелся?

Рита в шутку приложила ко лбу Ревенко ладонь, но он зло стряхнул её, сжал челюсти и до самого дома не издал больше ни звука.

Глава 3

Лиза с детства умела изобразить что угодно. Любую эмоцию. Детдомовские этому быстро учатся, когда нужно: притворяться, манипулировать. Чем лучше прикинешься, тем больше выторгуешь для себя, избежишь наказания. А порой просто выживешь.

Лизе, чтобы выжить, пришлось умереть.

Она совершила главную ошибку своей жизни — поверила такому же, как она сама, детдомовцу. При желании Стас Левашов мог обаять любую девчонку, но Лиза, наблюдавшая за ним задолго до того, как сама стала его жертвой, заметила, что объектом внимания Левашова становится не каждая. Ему нравились девушки определенного типажа и темперамента. А ещё те, кто не только не мог дать отпор физически, но и психологически готовы были подчиниться.

Ещё в пятнадцать Лиза была уверена, что ни за что не уступит Левашову, а уже в шестнадцать позволила себя поцеловать. Это случилось в январе, когда он приехал навестить сестрёнку, и в интернате закатили какое-то чаепитие со спектаклем, в котором Лиза играла сказочную принцессу. Что ей тогда ударило в голову, что Стас показался принцем? А что застилало глаза, когда двумя месяцами позже она сдалась на его милость окончательно?

Дальше был май. Отощавшую, зелёную от недоедания Ли-

зу полоскало уже которую неделю. Стас сразу всё понял и порадовался, что она не успела дойти до интернатской медсестры. Сначала аккуратно заговорил об аборте, предлагал всё устроить. Она наотрез отказалась, и тогда он пообещал, что они будут вместе воспитывать ребёнка, но попросил до поры не выдавать его. Лиза только потом поняла, как он тогда испугался — его ведь и посадить могли! И она, конечно, молчала. Она бы всё ради него сделала, потому что любила и надеялась. Надеялась, пока в начале июля, когда положение Лизы ни для кого уже тайной не было, Левашов не заявил, что вынужден жениться на другой. Пойми, мне же сестру поднимать, на брата надежды нет, он нас за семью не считает, а у меня ни работы, ни денег И Стас исчез с концами.

В театральный, как мечталось, Лиза, естественно, не поступила. Сидела и лила слёзы, не понимая, как жить дальше, и тут подошла к ней директор интерната Антонина Тихоновна Ларионова, отлично понимавшая, что деваться круглой сироте попросту некуда, и дело пахнет большими неприятностями для неё и ребёнка.

Увы, малыша спасти не смогли, хотя врачи в роддоме, куда Ларионова определила воспитанницу, были очень хорошие. А потом умерла и сама Лиза Бородина, и появилась Вета Ларионова. Она выбралась со дна, стала актрисой и, самое главное, нашла любовь. Настоящую, искреннюю, за которую жизни не жаль. Вот Саша и не пожалел — отдал не задумы-

ваясь, а Лиза Лиза осталась, и любви в ней больше нет: теперь она полна ненависти — ненависти жгучей, выедающей нутро.

Эта ненависть родилась в тот день, когда рыжеволосая женщина с ледяным взглядом таких, вроде бы, тёплых золотисто-карих глаз сказала, что именно Лиза, сгубила Сашу. Да, убил его другой человек, но её враньё помешало милиции во всём разобраться и остановить убийцу до того, как он начал действовать.

Она, конечно, злилась, обвиняла Стаса, но правда, которую не хотелось признавать, всё-таки вылезла наружу, встала перед ней в полный рост, и Лиза возненавидела. Себя.

Валентина в задумчивости стояла в коридоре, не зная, то ли пойти в гостиную, то ли всё-таки в кухню. Но в кухне хозяйка, и мешать ей сейчас не хотелось — опять сорвётся, накричит

— Валя, ты чего тут трёшься? — Ада выглянула в коридор.

— Да я — домработница замялась, застигнутая врасплох.

Ада сдвинула брови и собралась пройти мимо Вали, но та вцепилась ей в руку и прошептала:

— Не ходи, Адочка.

— Там что, мама опять? Давно?

— Да полчаса, не больше. Бокал один, я поглядываю периодически — не подливает.

Ада что-то неразборчиво прошипела себе под нос. В этот момент зазвонил телефон, и девушка, показав Вале знаком, что возьмет сама, подняла трубку и, прихватив аппарат, утянула его в гостиную.

Через несколько секунд из кухни выглянула Лиза.

— Телефон звонил?

— Ада взяла, — ответила Валя, косясь на опустевший уже наполовину бокал с вином в руке хозяйки.

Лиза двинулась в сторону гостиной, но остановилась, будто вспомнила что-то, и сказала:

— Валечка, мне нужно будет с тобой поговорить. Чуть позже

Она пошла дальше, оставив домработницу в недоумении. Ни тон, ни само желание о чем-то побеседовать не были типичными для Лизаветы Юрьевны, и Валентина почувствовала себя неуютно.

Раньше Глеб любил лето. Катание на великах, купание, тусовки с красивыми девчонками, и ночи такие короткие, что можно хоть сутки напролёт бродить, любуясь на звёзды. Пожалуй, за всю жизнь только одно лето Глебу испортили школьными выпускными экзаменами, и вот теперь это повторяется, только экзамены уже вступительные. Причём повторные, потому что первую попытку, состоявшуюся в мае, Глеб провалил, и сейчас должен сосредоточиться, иначе опять пролетит. А впереди осенний призыв, и что будет с

Глебом без протекции отца? Правильно, поедет в казармы, как пить дать.

Только как, скажите на милость, заниматься и что-то зубрить, когда на улице жара, лучший друг крутит роман с девушкой твоей мечты, а дома периодически скандалят? Вот и сейчас в комнату юноши проникал невнятный шум, больше всего похожий на яростную словесную перепалку. Попытавшись сосредоточиться на тексте в учебнике, Глеб честно прочитал одну страницу, две, три и отложил книгу. Мало того что скучно, так ещё и внизу совершенно точно скандалят, и это жутко бесит.

Выйдя из комнаты, Глеб прислушался и различил звонкий голос Ады и приглушённый материнский. После гибели отца её тембр стал другим, словно надломился, как она сама. Что же они там нынче не поделили?

Опять он всё испортил! Стас держал телефонную трубку в руке, не зная, опустить ли её на рычаг, или буря на том конце провода скоро стихнет, и разговор можно будет продолжить. Впрочем, похоже, что нет. В дверях кабинета, постучав, возникла Ирина Золотницкая, и Левашов принял решение: отбой. А если Ада захочет что-то добавить, она перезвонит.

— Ты за моей спиной к этому мерзавцу бегаешь с доносами?! — бушевала Лиза, застав дочь за телефонным разговором с Левашовым.

Стас выяснял подробности Лизиной попытки покончить с собой, и Ада, поняв, что ему всё известно, ничего скрывать не стала. В этот момент и вошла в гостиную Лиза, которая моментально сообразив что к чему, ударилась в истерику.

— Мама, мы все о тебе беспокоимся, — увещевала её Ада.

— Надо же! И Левашов тоже?! Да ты вообще знаешь, кто он такой и что сделал?!

Лиза вовсе не предполагала, что Аде на самом деле известна история её взаимоотношений со Стасом, поэтому ответ девушки поверг её в шок:

— Представь себе, знаю.

— Откуда?!

— Мама, то, что вы расстались, не означает, что ему плевать на тебя.

Ада слышала себя будто со стороны и удивлялась тому, как спокойно она это произносит. А ведь в первое время, когда Левашов рассказал ей о своём давнем романе с Лизой, она чувствовал уколы самой настоящей ревности.

Ада, хоть и признавала собственную привлекательность, всегда ощущала себя чуточку на вторых ролях. Что бы ни говорил ей Влад, мать была красивее, утончённее, изящнее. Ада в сравнении с ней выглядела амазонкой, грубоватой и мощной. И вот, уже расставшись с любовником, она узнаёт, что когда-то он спал и с её матерью. Эта новость надолго выбила Аду из колеи. А то, что из-за его предательства мама поставила под удар отца, и тот в итоге погиб Воспоминания

хлестнули Аду словно пощёчина, и она, выпустив трубку телефона, судорожно обхватила себя руками.

Лиза тем временем ходила по гостиной взад и вперёд, выговаривая дочери:

— Этого человека для нас не должно существовать, его нет, не смей ничего ему обо мне рассказывать!

А ведь ты ещё не знаешь, что он и со мной был близок, — думала Ада, напряжённо следя за ней взглядом.

— Вы вообще обалдели? — плаксиво протянул Глеб, спускаясь по лестнице. — У меня экзамены, а вы орёте!

— Мама, я просто устала за тебя бояться! — воскликнула Ада, обращая на брата ни малейшего внимания.

— А не надо за меня бояться! Может, я сдохнуть хочу?! — закричала в ответ Лиза, и Валентина, сунувшаяся в комнату, испуганно прильнула к стене.

— Да пошли вы, а?! — заорал ещё громче Глеб. — Две придурочные!

— Иди к чёрту! — рявкнула ему Ада, он в ответ чуть ли не зарычал, а после и вовсе бросился к двери и вылетел на улицу.

— Куда?! — метнулась за ним Лиза, но споткнулась и шлёпнулась на диван, расплескав при этом всё, что было у неё в бокале.

Ада презрительно скривилась:

— Я не понимаю, ты всю жизнь служила своему великому искусству, чтобы сейчас слить карьеру в унитаз? Хочешь

спиться, чтобы все тебя запомнили алкашкой и психопаткой? Вперёд, мамуля!

Она с силой опустила трубку на рычаг, и аппарат свалился на пол. Бросив последний уничижительный взгляд на мать, Ада легко взлетела вверх по лестнице. Через минуту хлопнула дверь — она заперлась у себя в спальне. Лиза полулежала на диване, всхлипывая. Валентина обошла её, подняла телефон, бокал, покачала головой, увидев мокрое вишнёвого цвета пятно на светлой диванной обивке, и тихо вышла, оставив хозяйку одну.

— Сегодня успехи ещё более явные? — спросил Стас, и Ирина принялась было перечислять, как они с Гошей сделали подряд несколько тестов, и вот наконец в последних двух образцах обнаружили, что ни одна здоровая клетка не пострадала

Тут она заметила, что Левашов сидит с отрешённым видом, как будто совсем не слушает.

— Стас! — окликнула Ирина, и только тогда он на неё посмотрел.

— Тебе как будто неинтересно, — с лёгкой обидой в голосе упрекнула она.

— Извини, Ириша, я задумался. В последнее время что-то с настроением.

— Из-за Егора, да?

Ирина и Гриша, как и другие сотрудники лаборатории и

больницы, были в курсе случившегося. Главный врач рвал на себе волосы, когда выяснилось, что чудо-массажист, которым он хвастал на каждом углу в медицинском сообществе, оказался серийным убийцей. Затем по больнице распространился слух о том, что Егор Медников и Стас Левашов, оказывается, воспитывались в одной семье, и Стас, вынужденный подтвердить эту информацию, ещё долго ловил на себе подозрительные и откровенно испуганные взгляды коллег. О, теперь он отлично понимал членов семей маньяков и многое бы отдал за то, чтобы сохранить юридическое родство с Медниковым в тайне!

Мало-помалу общественность угомонилась, и Левашов перестал ощущать себя львом в клетке, от которого только и ждут, что он откусит кому-нибудь голову. Известие о смерти Егора и вовсе положило конец открытым пересудам. Конечно, пройдёт немало времени, прежде чем история забудется окончательно, но всё равно стало гораздо спокойнее.

Стас потрянул головой: опять ушёл в себя, а Ирина ждёт ответа!

— Да из-за всего, — он улыбнулся, но, почувствовав, как натягивается кожа на лице, подумал, что даже это простое действие теперь даётся ему нелегко.

Пропал куда-то Стас-балагур, Стас-сердцеед, Стас-наглая-счастливая-рожа, как звал его иногда Серёга Уваров.

Уваров Сдержал ведь слово и ни разу с похорон Олеси не встретился со Стасом. Неужто всё? А Стас-то лишь после

разрыва отношений понял, что на самом деле дорожил их странной дружбой, казалось бы, целиком и полностью основанной на взаимовыгодном сотрудничестве. Не хватало ему Серёги. И Олеси, бедной маленькой дурочки Олеси!

Он вдруг понял, что Ирина подошла уже совсем близко, встала за спиной и массирует ему плечи. Потом она наклонилась и коснулась губами щеки. Он повернулся к ней, поднял голову, и она, приняв это за приглашение, тут же поцеловала его в губы. Неумело, неловко, но с подкупающей искренностью.

— Ириша, не надо, — Стас отстранился, и она посмотрела на него с таким отчаянием, что ему стало физически больно отталкивать её.

Но подпускать нельзя. Она не заслужила.

— Стас, если тебе плохо, я же могу помочь — неуверенно начала Золотницкая.

— Моя тоска в постели не лечится. И ты достойна чего-то получше, чем стать жилеткой для слёз одинокого разочарованного мужика, вот честное слово!

У Ирины дрогнули губы. Этого не хватало — расплачется ещё!

— Ира, ну в самом деле! — Стас глядел на неё, беспомощно перебирая в голове слова, которыми мог бы утешить. — Ты чудесная, ты очень симпатичная! Просто для меня вы с Гришей как семья, понимаешь? Да, именно так! Я вижу в тебе младшую сестрёнку!

Ирина выпрямилась. К счастью, ей удалось справиться с собой, и рыданий не последовало. Левашов осмелился взять её за руки, надеясь, что она не воспримет его жест как новый повод.

— Ируся, на самом деле тебе даже повезло. Если бы у нас с тобой случился роман, ты бы пожалела, поверь. Я сволочь. Я гад. Ой, ты себе даже не представляешь, какой я ужасный в любви.

— Наговариваешь на себя, — сказала она уже обычным своим будничным тоном.

— Ничуть. Просто я дорожу нашей работой и дружбой. Мне очень не хотелось бы всё это потерять. А ты должна любить, а не утешать. И быть любимой — вот чего я тебе от всей души желаю! Принца!

Золотницкая усмехнулась:

— Да где ж его взять, принца-то? Мы не в сказке.

— Значит, это будет не сказочный принц, а самый настоящий! Вот увидишь, он появится! — Стас, всё ещё держа руки Ирины в своих, чуть сжал их, и она вдруг вскрикнула:

— Ай!

Потом отскочила и поднесла ладони к глазам.

— Что такое?

— Да кольнуло, будто током, — ответила Золотницкая, пожимая плечами. — Наверное, проскочил разряд по одежде. — Или, — она лукаво подмигнула Стасу, — между нами искра!

Его несчастный взгляд заставил Ирину расхохотаться, но Левашов чувствовал, что обида всё ещё сохраняется в ней, и весёлость эта — показная.

Когда она наконец удалилась, он ещё долго сидел в задумчивости, то и дело косясь на телефон. В какой-то момент даже снял трубку и начал набирать первые цифры домашнего номера Сергея

Подумал немного и вернул трубку на место.

На улице уже начинало темнеть, час был совсем поздний. Валентина осмелилась войти в гостиную, где Лиза по-прежнему лежала на диване, уставившись в потолок.

— Я насчет Глебушки, — с опаской проговорила домработница. — Он у друга своего, у Сени. Просил передать, что там переночует, так что вы не волнуйтесь.

Не говоря ни слова, Лиза поднялась и села. Слышала ли она сказанное, дошло ли оно до её сознания, того Валя не поняла. Потом встала, подошла к телефону, покрутила диск и сказала в трубку:

— Это я, Нестор, не помешала?

Выслушав его ответ, судя по её улыбке, приятный, она снова заговорила:

— Ты как-то звал меня в особенное место, помнишь? Развеяться. Пожалуй, я бы хотела на это посмотреть.

Из трубки донёсся ликующий вопль: Нестор Лыков прокричал, что вот прямо сейчас одевается и мчится к своей

примадонне, чтобы подарить ей незабываемое зрелище.

Глава 4

— Скучаете?

От чужого прикосновения тело прошивает разряд. Она вздрагивает и в первую секунду не понимает, где находится. Как попала сюда, в какофонию звуков и цветных огней?

— Можем отлично провести время, — шепчут ей на ухо.

Она с изумлением окидывает взглядом субтильное тело, обтянутое сетчатой майкой. Неестественно белые зубы, подкрашенные глаза, волосы уложены гелем. Один из этих мальчиков, что только что плясали на сцене, тряся бёдрами перед оголтелой толпой пресыщенных дамочек. Нет, спасибо, неинтересно.

Парень не уходит, и она, морщась, отталкивает его рукой. Пальцы нащупывают литые мышцы — ого, а он только выглядит тощим! К стыду своему она чувствует, как сладко пульсирует внизу живота. Она одна уже так давно... Но этот мальчишка — он в сыновья ей годится!

И вдруг парень исчезает, растворяется в ярких вспышках и грохоте танцевального бита, а перед ней стоит уже кто-то другой. Он смотрит ей в глаза, и она тонет, увлекаемая вихрем воспоминаний

— С тебя, похоже, хватит, королева моя! Нет привычки пить крепкое, так и не начинай!

Лиза приподняла веки и тут же зажмурилась снова, заодно прикрыв ладонями уши. Музыка гремела и здесь, в общем зале, а мигающий не сверхскоростях свет бил по сетчатке так, что слёзы лились сами собой.

— Ты зачем меня сюда привёл? — она поудобнее устроилась на диванчике, Лыков сел рядом, одной рукой приобняв её, а другой недвусмысленно поглаживая бедро.

Лиза попыталась высвободиться из объятий Нестора, но он мягко сдавил ей плечо, вынуждая оставаться на месте.

— Понравилось в вип-зале, дорогая?

— Так ты мне хотел мужской стриптиз показать?

— И не только показать, — промурлыкал режиссёр, прижимаясь к Лизе.

Её затошнило от запаха его туалетной воды, смешанной с потом и спиртным.

— Мне надо выйти. Пусти, Нестор. Да пусти же!

Вырваться удалось и даже встать получилось, но пол под ногами качался, словно палуба корабля, и Лиза медленно, на полусогнутых, двинулась вперёд, пытаясь угадать в полумраке, где находится выход или хотя бы дверь, ведущая к туалетам — к тишине и относительному покою.

У неё получилось, и вскоре она оказалась в каком-то коридорчике, на одной из стен которого располагались две двери с фигурками, обозначающими женскую и мужскую уборные. Тошнота не прекращалась. Лиза, опершись рукой о стену, сделала первый нетвёрдый шаг в сторону изображения

пирамидки, увенчанной шариком, но тут её грубо схватили сзади, к шее в сосущем поцелуе прижались слюнявые губы, в нос ударило уже знакомое амбре — Лыков! В следующую секунду Лизу чуть не размазало по стене тяжестью прижавшегося к ней тела.

— Ну хватит ломаться! Мужа-то больше нет, кому ты нужна, кроме меня? — бормотал Нестор, задирая юбку и шаря по её ногам шершавыми ладонями, и Лиза чувствовала, даже слышала, как тонкий капрон чулок, которые она по глупости надела, цепляется за заусенцы на его пальцах.

Крикнуть бы, позвать на помощь, но она вдруг сдалась. Словно внутренний стержень, ещё державший её прямо, пусть и надломленный, хрустнул и осыпался. Лиза закрыла глаза и попыталась представить себе, что находится где-то далеко, не здесь, не в этом теле. Ни разу за всю жизнь она не сталкивалась с насилием. Даже Левашов, о котором говорили всякое, никогда не был с ней груб. А потом появился Саша и на долгие двадцать лет надёжно укрыл её от враждебного мира. Теперь его нет, и виновата в этом Лиза, вот пусть сама и расплачивается за свою глупость.

Тошнило всё сильнее, и она с вялым злорадством подумала, что если её сейчас вырвет на Лыкова, то так ему и надо. Внезапно режиссёр изумлённо хрюкнул, и давление прекратилось. Лизу крепко обняли и повели, попутно похлопывая по щекам, и через секунду на неё обрушился поток свежего воздуха, показавшегося необыкновенно чистым и сладким

по сравнению с той смесью зловонных испарений, которой дышали люди в помещении ночного клуба.

— Всё хорошо? — услышала Лиза звучный глубокий голос, который мог бы принадлежать, например, певцу, и открыла глаза.

Перед ней стоял совсем молодой парень. Она сразу узнала его — именно он там, в вип-зале, отогнал от неё стриптизёра в сетчатой майке. Какие у него красивые глаза, почти чёрные, похожие на спелую вишню

— Вам плохо? — он чуть встряхнул её за плечи. Лиза качнула головой:

— Лучше. Спасибо

За что спасибо? За то, что вывел? Избавил от Нестора? Но ведь он ещё где-то рядом

— П-позвольте! — стоило Лизе подумать о Лыкове, как его потная бледная физиономия вынырнула из душных недр клуба.

— Дама, вроде как, дала понять, что не хочет с вами общаться, — спаситель Лизы повернулся к Нестору, загородив её. Он был одет в белоснежную рубашку и джинсы, стройный, подтянутый, но под тонкой тканью угадывалось тренированное тело.

— Поймать вам машину? — это опять ей.

Бросив быстрый взгляд на Лыкова, Лиза кивнула:

— Если можно.

— С удовольствием!

Она вдруг поняла, что при ней нет сумочки, и сокрушённо схватилась за голову. Скорее всего, потеряна окончательно.

— Вас есть кому впустить домой? — спросил юноша.

— Да, но как я доеду без денег? — ох, придётся всё-таки остаться с Нестором.

Однако ей не пришлось этого делать. Юноша встал на обочину, вытянул руку и, забрав первую пару машин, усадил Лизу в третью, вручив водителю наличкой ту сумму, которую тот запросил за поездку.

— И не вздумайте протестовать! — пресёк он попытки Лизы что-то сказать. — А сумочку вашу я поищу — может, она лежит себе где-то и спокойно ждёт хозяйку. Вообще у нас клуб приличный, на моей памяти воровства и пропажи вещей не было.

У нас! Отъезжая, Лиза глядела в заднее окно автомобиля, разглядывая молодого человека. Выходит, он работает здесь? Может, один из владельцев? Впрочем, не похоже — одет просто, на ногах поношенные кроссовки, никаких дорогих часов или иных аксессуаров, от которых ни за что не откажется богатый человек, даже скрывающий свой достаток.

Когда клуб скрылся за поворотом, Лиза наконец выдохнула. Думать о Несторе и о том, что он устроит ей завтра в театре, думать не хотелось. Снова и снова в памяти всплывало лицо парня, чьё имя Лиза так и не догадалась спросить.

Чтобы войти в дом, пришлось позвонить. Открыла Валя, и у неё был такой несчастный вид, что сердце сжималось.

Всё, что могла сделать Лиза, это обнять домработницу, повергнув ту в состояние глубокого шока.

А уже в спальне, раздевшись и завернувшись в одеяло, потому что в ночной прохладе стало зябко, Лиза вдруг поняла, в какой трагедии хотела бы сыграть. Цифры на электронных часах, которые остались от Саши, сообщали, что уже три часа ночи. Мстительно надеясь, что Лыков тоже добрался до дома, и звонок вырвет его из сладостных объятий Морфея, Лиза набрала номер и довольно заулыбалась, услышав в трубке хриплое аллэ!

— Нестор, я выбрала, что ты поставишь для меня.

Она стойко выслушала поток брани вперемешку с советами, дала Лыкову выдохнуть и лишь потом назвала произведение и имя автора.

В трубке повисла тишина, потом раздалось осторожное:

— Ты больная? Я же разорюсь.

— Увидим.

— Ты кого там играть собралась?!

— Женская роль всего одна.

— Ага, и у неё две сценки.

— Огромная сцена и монолог, Нестор. И я готова хоть голая на сцене стоять.

Лыков выдержал паузу, потом проворчал:

— А вот это, кстати, идея неплохая, — и повесил трубку.

Тихий стон, похожий больше на всхлипывание, смолк по-

чти сразу, но чутко спавшая девушка тут же открыла глаза и уставилась в темноту. Тишина, казалось, звенела, и ничего напоминавшего плач больше не слышалось, однако она решила проверить. Откинула одеяло, встала и на цыпочках подкралась к двери в соседнюю комнату. Постояла с минуту и уже хотела вернуться в постель, как раздался скрип пружин и сдержанное ох!

Девушка приоткрыла дверь и просунула голову в образовавшуюся щель.

— Мамуль, больно? — спросила она шёпотом, хотя никого, кроме них двоих в квартире не было.

На старой, с металлической сеткой, кровати лежала женщина. В темноте её лица не было видно, но плачущий голос не мог обмануть дочь:

— Да нет терпимо, Маруся.

— Где ж терпимо, когда ты стонешь и плачешь? — девушка вошла и присела на край кровати. — Давай всё-таки к врачу ходим, а?

Женщина в постели улыбнулась и потерла правую руку.

— Машуня, со мной правда всё в порядке. Это нормально, что рука болит, и боль сильнее ночью. Меня об этом предупреждали. Самое плохое позади. Ещё немного, и рука заработает, как раньше.

Маша вздохнула и, наклонившись, положила голову матери на колени. Та ласково погладила дочь по длинным рассыпавшимся по спине волосам и сказала:

— Иди спать. Тебе завтра в институт на собеседование.

— Честно говоря, волнуюсь, — пробормотала Маша. —

Вдруг они скажут, что надо сдавать все экзамены?

— Как скажут, так и сделаем, — мать пожала плечами. —

Самое главное — не жалеть, Маша.

— Я не жалею! — девушка снова села, стремительно выпрямившись, словно гибкая тростинка, которую не примять даже сильному ветру, и в упор посмотрела матери в лицо. — Честное слово! Как бы ни сложилось, я никогда не скажу, что мы зря уехали! Никогда, мама!

Она осторожно коснулась правой руки матери и закусила губу. Нет, даже если завтра ей заявят, что в институт принять не могут, даже если она вообще никуда больше не поступит, это ерунда в сравнении с тем, что могло случиться.

— А тебе что, домой не надо? — надув щёки и сделавшись похожим на запасшего провиант хомяка, спросил Глеб Зою.

Все трое, включая Сеньку, с вечера зависали у него в комнате. Родители Глотова, уже привыкшие к постоянному присутствию в квартире кого-то из друзей сына, не выражали недовольства, но Глеба удивляло, что Зоя спокойно остаётся здесь на ночь, даже не делая попытки кому-либо сообщить о том, где находится.

— У тебя родители вообще есть? — поинтересовался он, когда Зоя в ответ на первый вопрос лишь фыркнула.

— Есть, конечно, — ответила девушка и улеглась на кро-

вать, закидывая руки за голову и взбалтывая в воздухе стройными ножками идеальной формы.

Глеб стиснул зубы. Зоя была очаровательна и всякий раз умудрялась невинными на первый взгляд позами или жестами возбудить его, но неизменно отказывала в близости.

— Вообще-то я переспал с тобой раньше Сеньки, — напоминал ей Майер наедине.

Зоя в ответ невинно округляла желто-карие то ли тигриные, то ли змеиные глаза и пожимала плечиками:

— Ты меня не застолбил, если намекаешь на это.

О, как хотел Глеб отпустить на эту тему непристойную шуточку, обидеть нахалку, задеть её так же, как она задела его! Конечно, он её не застолбил — в длинном списке любовников совсем молоденькой девушки едва ли удалось бы найти того, кто был первым. Не зря сестра Зои, страшненькая Таня, звала сестру озабоченной. Глебу и самому казалось, что у сводящей его с ума феи явные проблемы в интимной сфере — она как будто всё время искала острых ощущений, новых впечатлений, чувств, эмоций и поэтому без конца знакомялась с новыми парнями. Что самое интересное, у Зои всегда был и постоянный партнёр. Например, сейчас эту роль исполнял Сенька Глотов, и Глеб даже немного сочувствовал другу: ему-то, Майеру, Зоя просто не давала прикоснуться к себе, зато Глотову, считай, изменяла! Но Сенька то ли не желал замечать очевидных вещей, то ли — и эта версия казалась Глебу даже более вероятной, хотя и трево-

жащей — его отношения с Зоей давно уже перестали носить исключительно романтический характер и приобрели черты взаимной зависимости. Только Зоя искала в них яркий секс, а вот Сенька — яркие глюки. Не раз и не два Глеб пытался поговорить с другом на эту тему, но тот упорно отмалчивался или отшучивался. Ничего я не употребляю, ты вообще дурак, что ли? — иного Глеб от Глотова не слышал, а загадочные таблетки, которые тот иногда принимал на пару с Зоей, названия не имели и к делу пришиты быть не могли. Тем не менее Глеб периодически пытал Зою на тему таинственных препаратов, которыми она снабжает Сеньку.

— Брось, — всякий раз отвечала она. — Никакая это не дурь. Так, для кайфа, лёгонькое.

— Где берёшь-то?

— Антоха приносит, — безмятежно отвечала Зоя, имея в виду парня сестры.

Это немного успокаивало Глеба: если Антоха приносит, а Зоя так запросто делится с Сенькой, то вряд ли речь о чём-то серьёзном. Тяжёлое бесплатно не раздают.

И всё же, сравнивая образ жизни и манеры Зои со своими, Глеб удивлялся: родители, особенно отец, всю жизнь пасли его — воспитывали, интересовались жизнью, занимались образованием. Зоя же, при очевидном финансовом благополучии, была как будто предоставлена самой себе, и даже сотовый телефон, который у неё первой из своих ровесников увидел Глеб, всё время молчал. Вернее, иногда-то он

звонил, но по разговору становилось ясно, что на том конце вовсе не мама с папой. Кто же они такие, эти загадочные и явно богатые люди, что вот так запросто отпускают в большой мир дочурку с очень опасными наклонностями, никак её не контролируя?

— Слушай, Зоя, — он пересел поближе, любуясь изящными формами девушки. Сенька куда-то вышел, и можно было, не стесняясь пялиться на неё. — А всё-таки Неужели Глотов лучше меня?

Зоя оторвалась от созерцания своих рук с растопыренными пальчиками, перевела взгляд на Глеба и насмешливо сморщила носик.

— Не лучше. Но удобнее.

— Чего?!

Но выяснить всё до конца не получилось: вернулся Сенька с блестящими непонятно от какой радости глазами и улёгся рядом с Зоей, недвусмысленно тиская её. Глеб с тоской смотрел на парочку и думал о том, каким смелым и уверенным в себе становится Глотов: отбил девчонку у друга, прекрасно знает об этом и ничуть не смущается, обнимая её в его присутствии. Решительно, Зоя благотворно влияет на него как на мужчину, хотя Глеб сомневался, что последствия этого влияния пойдут на пользу.

Домой идти уже не стоит, но и наблюдать возню на кровати невмоготу.

— Я подышать, — буркнул он и вышел на балкон.

Сенька пробормотал что-то неразборчивое про полчаса-ка, а Зоя захихикала.

Глава 5

Из ночного клуба позвонили на следующий же день. Лиза проснулась поздно, чувствовала себя не лучшим образом и не сразу поняла, что за женщина попросила её к телефону.

— Меня зовут Инга, я администратор вип-зала клуба Эгоисты.

Лиза, потирая лоб, с трудом вспомнила, что именно так называлось место, где она провела вечер накануне.

— Вы оставили у нас сумочку. Мы с радостью вернём её, — щебетала Инга. — И в качестве извинения за инцидент я лично хотела бы пригласить вас на шоу-программу. Сегодня в девять вечера. Великолепные артисты, незабываемые впечатления и приятный бонус Приходите!

У Лизы был выбор: ехать за сумочкой днём или прийти в клуб вечером и насладиться каким-то волшебным, судя по обещаниям Инги, выступлением танцовщиков. Да, каких танцовщиков — стриптиз это! Она уже хотела отказаться и условиться о времени встречи, как вдруг вспомнились глаза вчерашнего юноши. Нет, ей не могло показаться — он глядел на неё с неподдельным восхищением, даже восторгом. Что, если он тоже будет там вечером? Почему, кстати, не позвонил сам, а велел сделать это какой-то Инге? Слишком важная птица? Так может, и приглашение не от Инги, а от него? Опасно, опасно! Он так красив, а Лиза не в том состоянии,

чтобы

Казалось, слова сорвались с её губ сами собой, она даже осознать ничего не успела:

— Я с удовольствием воспользуюсь приглашением. В девять, говорите?

В последнее время Рита заглядывала к Сергею, преодолевая себя. От цели охомутать его она не отказалась, но входить в квартиру, где, кроме хозяина, жили теперь ещё две противные кошки, было не слишком приятно. Да что уж там — страшно!

При первой же встрече со старшей из них, Рита почувствовала, что антипатия, которую она испытала к серой толстухе с наглой мордой, взаимна. В туфли ей не гадили, но угрожающе шипели и лапой с выпущенными когтями заматывались.

Потом подросток оставшийся котёнок, которого почему-то не отдали, как других. Этот маленький оглоед превратился в ещё более наглую особу, которая, стоило Рите переступить порог квартиры, вылетала в прихожую, вставала на задние лапы и задирала вверх передние. Первые несколько раз быстро среагировать не получалось, и кошка всем весом обрушивалась на подол платья или юбку Риты, раздирая когтями ткань и царапая ноги.

С трудом Рите удалось убедить Сергея запираать кошек, если он знал, что она должна вот-вот прийти, но оставалась

главная проблема: сам Уваров. Он позволял приходить и даже готовить ему, заниматься уборкой, если Рите так хотелось, но неизменно отвечал отказом на все попытки сблизиться.

Вот и сегодня: открыл дверь и скептически уставился на мешок из продуктового магазина в её руках.

— Рита, зачем? У меня есть еда, я не нуждаюсь. Сколько ты потратила?

— Сержик, да перестань, — затараторила Потехина, с опаской перешагивая через порог и выискивая взглядом кошечек. — Просто я задумала одно блюдо, у тебя точно нет для него продуктов. Грузинская кухня!

— Не знал, что ты её любишь.

— Была на съёмках, там подсказали! Ой, ты знаешь, в такой интересной рекламе снималась, — Рита тарыхтела не переставая, стараясь не дать Уварову опомниться и спрятаться от неё в одной из комнат. — Серёженька, помоги до кухни дотащить, тяжело.

Вес мешка вовсе не был таким уж большим, что Сергей понял моментально, взяв его и подкинув в руке, но как мужчина, разумеется, отказать не мог.

А в кухне Рита принялась дёргать его, требуя подать то одно, то другое.

— Я хоть не отрываю тебя от важного дела? — спросила она в какой-то момент, рискуя, конечно, но не имея права не изобразить понимание.

— Я не беру работу на дом, а важных дел тут не особенно много. Разве что книга или вон, этих накормить! — проследив за рукой Уварова, Рита увидела сидящих поодаль кошек.

Она одарила их неприязненным взглядом, получив в ответ точно такой же. Особенно злобно, как показалось, смотрела мелкая — рыжая бестия по кличке Лисёнок.

Ужин удался, на что Рита, хоть и рассчитывала, но слабо надеялась, поскольку готовить-то на самом деле не любила и не слишком умела. Но то ли рецепт был таким, что испортить невозможно, то ли оба едока проголодались, а только смели всё за считанные минуты.

— А вкусно, ты молодец, — похвалил Сергей.

Рита улыбнулась своей самой обаятельной улыбкой и нежно коснулась пальцами его руки.

— Ты очень помог. Мы отличная команда, как считаешь?

— В поварском деле — возможно, — недвусмысленно отнёс он её завуалированное предложение.

Потехина постаралась не показать досаду. Ничего, они только начали. Сейчас она предложит выпить по бокалу вина, уговорит Сергея переместиться в гостиную, они потанцуют

В принципе, всё могло получиться на этот раз. От посиделок Сергей не отказался. Танцевать не захотел, но для начала и это было неплохо. Даже кошки вели себя на удивление тихо: не носились по квартире, не кидались под ноги. Дело испортила сама Рита, не сумев удержать язык, развязанный

алкоголем, за зубами.

Проходя по коридору, она по привычке бросила взгляд на стену и снова вздрогнула.

— Серёжа, давай тут что-то сделаем, а? — громко, чтобы он услышал, сказала она и уже протянула к стене руку, но тут же отдернула её, увидев возникшего перед собой Уварова.

Его взгляд застыл, стал мёртвым и страшным.

— Не трогай, — не разжимая губ, проговорил он.

— Как скажешь

Рите захотелось стать маленькой и незаметной. Она попыталась проскользнуть мимо Сергея обратно в гостиную, но он посторонился, открывая путь в прихожую.

— Уже поздно. Вызвать тебе такси?

— А я думала остаться — начала она, но тут ноги коснулось что-то мягкое.

Посмотрев вниз, Рита увидела Лисёнка. На первый взгляд кошка решила поиграть, но из растопыренных подушечек уже лезли когти.

— Мы рано ложимся спать, — сказал Сергей тоном, не оставляющим ни малейшей возможности возразить.

Опустив голову, Рита поплелась одеваться. Натягивая сапоги, она покосилась на Уварова. Он стоял всё там же, у злощастной стены, прижавшись к ней лбом. Рыжая тварь вилась у его ног и урчала, как заведённый двигатель. Риту пробрал озноб.

Лениво потягивая коктейль, Лиза сидела в кресле, обитом чем-то мягким и будто обнимающим её. Вчера заведение не показалось таким уж уютным, но это с непривычки. Лизе прежде не доводилось бывать в клубах одной. Успехи в театре она отмечала в шумных компаниях, а вне богемной тусовки посещала общественные места только с Сашей, и это всегда были тихие рестораны или кафе, иногда опера, реже кино и уж совсем редко другие театры, если душа просила классики и вдохновения.

Мужской стриптиз в одиночестве Лиза наблюдала впервые и, оглядываясь на шумных дам, которые исступлённо вопили, протягивая к танцовщикам руки с зажатými в них купюрами, испытывала острейшее чувство испанского стыда. Зачем открыто демонстрировать свой интерес? Разве что они пьяны, все эти женщины

Обещанная улыбчивой шатенкой Ингой шоу-программа уже начиналась, в зале стало темнее, сцену подсветили дополнительными прожекторами, из-за занавеса потянулась вереница молодых мужчин. Красавцы, что и говорить, но от их откровенных движений делалось неловко. Поблагодарив подскочившую к ней с бокалами девушку, Лиза взяла ещё один коктейль. Ладно, не получит удовольствия от зрелища, так хоть выпьет. Об угрозе алкоголизма она пока не думала: в театре на её глазах спились многие артисты, и признаки профнепригодности были ей известны. Вот как начнёт текст с трудом заучивать, тогда и настанет пора беспокоиться. А

пока это единственный способ заглушить саднящую рану — чувство вины. И ненависть к себе. К тому же только алкоголь подавлял смущение, которое Лиза невольно испытывала, глядя на то, как слетает со стриптизёров одежда. Вон тот, в леопардовых трусах, особенно пластичен. Он не просто умеет танцевать — наверняка есть хореографическая подготовка, возможно, артист балета или В эту секунду свет упал на лицо заинтересовавшего Лизу парня, и она мысленно ахнула: да это же её вчерашний добрый ангел! Вот, оказывается, кем он трудится в клубе. Она пристально глядела на него, не в силах оторваться, и отчётливо осознала, что дело совсем не в заученных танцевальных па. Юноша обладал врождённой грацией. Он двигался мягко, как большое животное — красивое, но дикое, от которого не знаешь, чего ждать, но остаёшься рядом, замороженный магией его естественности. Лиза очень не хотела чувствовать то, что рождалось в ней, но ничего не могла с собой поделать. Пожалуй, лучше всего просто уйти. Этого ей нельзя, невозможно!

Она осталась и сидела, чуть подавшись вперёд, не отрывая взгляда от парня, танцующего, казалось, для неё одной. Ей по-прежнему было стыдно, но уже не за других: Лиза стыдилась того, как откликается на происходящее её собственное тело.

Из темноты, полной вздохов и пьяного смеха, донёсся вкрадчивый шёпот:

— Хотите, я расскажу подробнее об обещанном бонусе?

В отличие от Уварова, Михаил Ревенко работу на дом брал. Правда, вынужденно. Из-за не отпускающего внутреннего напряжения, он часто не мог сосредоточиться на том, что делает, и к концу дня задачи оказывались невыполненными. А спросят-то уже утром на оперативке! И Михаил тащил домой папки и дискеты, чтобы попытаться сделать хоть что-то на домашнем компьютере, который завёл исключительно для таких целей.

Нынче вечером, заварив себе крепкого чаю, Ревенко сидел над анкетами, переданными ему кадровиками. Прошло уже достаточно времени, пора было определяться с кандидатурой на должность экономиста, а таковых не было. На собеседование-то люди приходили, но Михаил и начальник отдела по работе с персоналом никак не могли найти компромисс. Наконец Ревенко получил очередную партию резюме со словами: Это последние на данный момент и наиболее подходящие. Работа стоит, так что будьте добры уже выбрать.

Завтра Сергей призовет к ответу, и если Михаил его не даст, то нового сотрудника выберет сам Уваров.

Хоть бы среди этих анкет нашёлся кто-то приличный! Все они были с фотографиями — это единственное требование Ревенко, на которое в кадрах согласились, чтобы не приглашать на собеседование тех, кого он точно не одобрит. Потягивая горячий терпкий напиток и морщась от горечи завар-

ки, которую бухнул в заварочный чайник от души, Михаил откладывал анкеты одну за другой, тоскливо вздыхая. Эта старая, у этой лицо такое, будто лимон лизнула, а зачем ему кислая рожа в офисе? Осталось четыре, три

Рука с чашкой задрожала, и он поспешил отставить её, чтобы не залить бумагу. Вчитался в отпечатанные строки, снова посмотрел на фото. Пробежал глазами анкету, перечитал ещё раз. И откинулся в кресле, переводя дух.

Ничего не меняется из вечера в вечер. Сам виноват, зачем продался? Если бы не были так нужны деньги, он никогда не оказался бы здесь. В тот день, когда закрылась та дверь и открылась эта, он решил, что навсегда потерял возможность исполнить мечту. И каким же чудом стала вчерашняя ночь: у него появился шанс, реальный шанс!

Рядом материализуется Инга, с плотоядной улыбкой шлёпает его по ягодицам и кивает на женщину, поднявшуюся с кресла и уже идущую к ним. К нему.

Радость, начавшую было распускаться в душе, подрубают на корню. Приват. А если заплатит больше, то и всё остальное. И она заплатит, уверена Инга.

Они наедине. Она выпила, но не под кайфом. Соображает, что делает. Эта дрянь разрушает мозг куда быстрее, а ей пока ещё нужна твёрдая память.

— Что ты на меня смотришь? — её голос чуть хриловат и не такой певучий, каким он слышал его раньше.

— Вы пьяны.

— Выпей тоже. Или вам нельзя с клиентками?

— Вам это не нужно, поверьте.

Ему страшно. Если он сейчас поведёт себя оскорбительно, она устроит скандал, и его вышвырнут.

— Ты странный, — у неё удивительные глаза, в них можно утонуть и будешь счастлив. — Не хочешь заработать?

— Я знаю вас. Я вами восхищаюсь, — он пробует зайти с другого боку. Может тщеславие перебьёт в ней тягу к сексуальным приключениям? — Я тоже актёр.

— Ты?!

Она падает в кресло, закидывая ногу на ногу и наверняка сознавая, как соблазнительно выглядит. Её смех, серебряный колокольчик, чужд этому прогнившему месту. — Бросай, пока не поздно, дурачок! Женщинам проще — мы можем спать с режиссёрами, а вот парни Хотя — она окидывает его оценивающим взглядом. — Ты можешь пробиться за счет стареющей актрисы. Я тебе как, нравлюсь?

— Нравитесь очень но — он паникует, и тут она резко встаёт и смотрит на него с прищуром.

— Ладно, я поняла. Сделаем по-другому.

Она уходит, и он опускается на пол, обхватив голову руками. Всё, ему крышка. Уволят. Почему всё так, ну почему?!

Он ожесточённо бьёт себя по бедру всё сильнее и сильнее, но не чувствует ни ударов, ни боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.